

К.Лукашевич

Сиротская доля

Повесть

Продолжение повести "Дядюшка-флейтист"

ФЛЕЙТА ЗАИГРАЛА

В просторной светлой столовой обедало более 60 девочек. Одетые в однообразные серые платья с белыми передниками и белыми пелеринами, они сидели тихо и чинно за двумя длинными столами; лишь по временам некоторые резвые шалуньи перешептывались, толкали друг друга и втихомолку хихикали. Девочки были разных возрастов: совсем маленькие крошки с наивными детскими личиками, девочки-подростки и почти уже взрослые девушки.

Тут же, по краям столов, сидели две особы в темных платьях -- должно быть, воспитательницы. Одна была молодая, с добрыми близорукими глазами, которые она постоянно щурила. Другая -- была старушка, худощавая, седая, с холодным взглядом светлых, как бы стальных, глаз; держалась она необыкновенно прямо и строго посматривала на девочек.

Было начало осени. В открытые окна столовой врывались теплые ласкающие лучи солнца и доносились уличные звуки: воробьи чирикали, кричали разносчики, трещали и громыхали проезжающие экипажи, телеги, слышались разговоры прохожих.

-- Петрова, не мечтай, пожалуйста! Что ты все оборачиваешься?! Ешь скорее! -- произнесла громко и раздельно, отчеканивая каждое слово, старушка-воспитательница.

Та, к которой относились эти слова, худенькая, маленькая девочка, с коротко стриженными волосами, торчащими ежом, с большими выразительными, точно удивленными, глазами, вспыхнула, как зарево, и привстала на окрик.

-- Садись, ешь, как другие... О чем ты всегда мечтаешь?! Глаза устремила на небо, рот открыла... Этак у тебя ворона кусок изо рта унесет, -- сказала старушка.

Воспитанницы рассмеялись звонко и весело, очень довольные возможностью посмеяться. Учительница живо успокоила их.

Петрова застенчиво улыбнулась, села снова на свое место и усердно принялась за еду.

-- О чем ты вечно думаешь, Наташа Петрова? -- шепотом спросила ее соседка, маленькая, курносая, полная девочка, с черными, точно коринки, глазами, с ямочками на пухлых щеках.

-- Ни о чем... так... просто... Я даже совсем не думала... -- ответила Наташа.

-- Смешная ты! Ни о чем не думать нельзя. Зоя Петровна говорила, что каждый человек всегда о чем-нибудь думает... Значит, ты не как все люди...

-- Я смотрела в окно... Там птички чирикали, видно кусочек неба, такое синее-синее... Там хорошо, светло... Право, я ни о чем не думала... Не знаю, что и сказать.

-- Ты "незнайка", Петрова. Не хитри... Я знаю, знаю, о чем ты всегда думаешь, -- поддразнила шепотом подругу черноглазая девочка и при каждом слове улыбалась и делала уморительные гримасы.

Петрова посмотрела на нее удивленно и вопросительно и опять покраснела.

В это время на улице за окном раздались грустные, заунывные звуки флейты...

Как и что затем произошло, никто не мог никогда хорошенько вспомнить...

Вдруг раздался страшный крик и произошел невообразимый переполох.

-- Ай-ай-ай! Флейта! Флейта! Дядя! Флейта! -- послышался среди девочек громкий не то возглас, не то вопль... Вслед за ним другой, третий... Все повскакали с мест. Наташа Петрова бросилась к окну первая. За ней все девочки, попадали скамейки, ножи, ложки, вилки; кто-то опрокинул кружку с водой...

Лицо Петровой было багрово-красное, испуганное. Она высунулась в окно и, казалось, не помнила себя.

Учительницы тоже бросились за девочками; они успокаивали их, брали за руки, тянули к столу,